

Владимир Кунин

Иванов и Рабинович,
или «Ай гоу ту Хайфа!»

ФТМ

Владимир Владимирович Кунин Иванов и Рабинович, или «Ай гоу ту Хайфа!»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142905

Иванов и Рабинович, или «Ай гоу ту Хайфа!»: ФТМ; Москва; 2020

ISBN 978-5-4467-2965-4

Аннотация

Одна из самых известных книг Владимира Кунина – ироническая и почти сказочная история Арона Иванова и Васи Рабиновича, не нашедших себе места в Советском Союзе и собравшихся эмигрировать в Израиль на старинной яхте. Правда, в море они выходят впервые в жизни и слабо представляют, что их ждет в пути. Но отчаянная тяга к берегам загадочной Хайфы, крепкая дружба и порой невероятное везение оказываются сильнее штормов, пиратов и даже военных флотов двух сверхдержав.

Содержание

Часть первая	6
Как стать уголовным преступником...	6
Как выходят на свободу...	9
Как ищут место под советским солнцем...	13
Как Рабинович стал Ивановым, а Иванов – Рабиновичем...	16
Как работали и жили Арон Иванов и Василий Рабинович...	18
Как влияет тяжелый физический труд на счастливую семейную жизнь...	20
Как становятся холостяками...	23
Как уберечь себя от соблазнов...	34
Как всегда, великие открытия случайны...	37
Как находят друга...	42
Как хорошо, что все официально!	45
Как правильно ездить по городу в белые ночи	49
Как великие цели требуют великих жертв...	53
Как нужно быть сентиментальным...	57
Как насытить чрево «Опричника»...	61
Как трудно болеть в наше время...	68
Как Вовик-мажор с приятелями попал в неприятную историю...	72
Как подчинить все единой цели...	77

Владимир Кунин
Иванов и Рабинович,
или «Ай гоу ту Хайфа!»

© Текст. В. В. Кунин, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

* * *

Часть первая

Иванов и Рабинович

Как стать уголовным преступником...

В тот вечер сорокачетырёхлетний Арон Рабинович в рабочей спецовке стоял в пивной за кружкой пива и держал в руке соленого подлещика.

У самой стойки очередь вспухала и скандально пульсировала от напора жаждущих получить пиво без всякой очереди.

– Э, мужики! Ну встаньте вы в очередь. Неужели трудно? Все же стоим, – миролюбиво сказал Арон.

Трое здоровенных молодых парней рассмеялись. Один вздохнул:

– Господи... До каких же пор жиды будут в России порядки устанавливать?! Ой, Гитлера нет на вас, сучье племя!..

Арон хозяйственно спрятал подлещика в карман рабочих штанов и ударом в челюсть отправил поклонника гитлеризма в глубокий нокаут.

Двое других бросились на Арона. Но он с ходу воткнул свой огромный кулак в живот одному, а другого просто насадил физиономией на собственное колено.

И тогда в пивной началась генеральная драка...

* * *

У здания районного суда стоял арестантский автофургон.

На другой стороне узенькой улочки – старый, битый «москвич». Около него топталась пышнотелая Ривка – сестра Арона.

Неподалеку от фургона мельтешилась маленькая, ярко накрашенная женщина, не отрываясь смотрела на двери суда.

Милиционеры вывели Арона Рабиновича с подбитым глазом. За ним – худенького блондинчика лет сорока.

– Арончик! – метнулась через улочку Ривка.

– Машину береги. Не гоняй как идиотка, – сказал ей Арон.

– Васечка!.. – крикнула маленькая накрашенная женщина.

– Прощай, Клавочка... – потерянно проговорил блондин.

– Па-а-апрррошу! – зычно пропел старший конвоя.

Арон и блондинчик влезли в фургон. Туда же сели два милиционера. Двери захлопнулись, и «воронок» покатил.

В полусумраке фургона Арон спросил своего соседа:

– Жена провожала?

– Сестра. Клава.

– И меня сестра. Ривка... Тебе сколько дали?

– Два года. С лишением права работать в сфере торговли.

А вам?

- Тоже два. По двести шестой. Драка.
- Иванов Василий, – представился блондин.
- Арон Рабинович. Есть возражения?
- Что вы?! У меня лучшие друзья...
- Разговорчики! – рявкнул конвойный.

* * *

И пошла лагерная жизнь Иванова и Рабиновича: утренние и вечерние поверки, работы в каменном карьере, на лесоповале, шмоны-обыски, хождение строем, двухъярусные нары в бараке, вышки с часовыми вокруг зоны...

Зима... Лето... Снова зима. Снова лето...

И во все времена года, в каждый час лагерных суток – Иванов рядом с Рабиновичем. Ну и, конечно, Рабинович всю дорогу – рядом с Ивановым.

Пролетели семьсот тридцать деньков и ночек, и вышли они в один и тот же последний день на свободу. Как говорят в зоне, «на волю»...

Как выходят на свободу...

В специальном помещении с лозунгом «На свободу с чистой совестью!» специальный офицер говорил специальные слова:

– Надеюсь, что пребывание в нашей колонии не прошло для вас даром и вы станете снова полезными членами нашего общества. – Офицер заглянул в документы, освежил в памяти имена Иванова и Рабиновича и добавил: – Так, Василий Петрович и Арон Моисеевич?

– Так точно, гражданин начальник! – хором ответили Арон и Вася.

– Теперь я для вас не гражданин начальник, а товарищ.

– Ну да? – удивился Арон.

– Конечно! Конечно, товарищ! – быстро согласился Иванов.

– Теперь, Арон Моисеевич и Василий Петрович, для вас весь мир – друзья и товарищи! – улыбнулся офицер.

* * *

Разъехались многотонные лагерные ворота с намертво приваренными проржавевшими буквами «СЛАВА КПСС!», и Рабинович с Ивановым оказались на свободе.

И тут же были встречены воплями Клавки и Ривки, выле-

тевших из стоявшего рядом старенького «москвича».

– Сестреночка!.. – нежно всхлипнул Василий. – Клавочка...

Ривка рванулась к Арону. Но тот остановил ее, обошел старый, расхлябанный «москвич», оглядел его со всех сторон и только потом ласково похлопал Ривку по обширному заду в кургузой юбке:

– Совсем изблядовалась?

– Ой, Арончик... Ну, что ты такое говоришь? Люди же...

– Вовремя мамочка откинула копытца. Она бы твоего вида не перенесла. – И Арон, наконец, поцеловал Ривку.

– Ну правильно! Она была бы в восторге, что тебя в тюрьму посадили на два года, шлемазл! Садись за руль. Твои права в бардачке. А то у меня уже месяца три как доверенность кончилась. Клавочка! Так мы едем к вам или вы к нам?

– Без разницы! – весело крикнула Клавка.

* * *

Поздней ночью на маленькой кухне стандартной двухкомнатной квартиры, после загульного вечера, сильно хмельные Клавка и Вася на правах гостеприимных хозяев мыли посуду.

– Я три года был за ним, как за каменной стеной... – говорил Вася. – Ко мне ни один уголовник приблизиться не мог – в таком он был авторитете... Он мне как брат родной

теперь!..

– Жаль, – усмехнулась Клавка. – А я его только собралась трахнуть. Теперь нельзя. Он тебе брат, значит, и мне брат. Жаль...

– Клавка!..

– Чего «Клавка»?! Ты на Ривку глаз положил? А я что, рыжая?

– Дура ты, мать твою...

– В таком случае и твою.

* * *

В комнате пьяный Арон говорил Ривке:

– Я три года был за ним, как за каменной стеной... Голова – Совет министров! Я евреев таких деловых не видел!!! На него вся зона молилась: он и наряды всем закроет, и коэффициент выведет, и ни один зэк в обиде не останется! А если какой «бык» начнет права качать, я ему оттяжку сделаю, и опять все тихо... Мы еще в лагере решили – и на воле друг без друга никуда.

– А он ничего... – сладко потянулась Ривка.

– Ривка! Я тебя умоляю... Вспомни своих хахалей. Ты им всем жизнь искалечила! Наш дом за три квартала обходят. Ваську не трогай!.. Это я тебе говорю – старший и единственный брат. А то я тебе так по жопе надаю – ноги отнимутся!

– Ой, ой, ой, ой. Нужен мне твой Васька. Смотреть не на

что.

Под утро все образовалось: в проходной комнате большая Ривка спала с худеньким Васей Ивановым, а в другой комнате маленькая Клавка уютно посапывала на могучем плече Арона Рабиновича...

Как ищут место под советским солнцем...

На входных дверях большого учреждения – доска:

«СРОЧНО ТРЕБУЮТСЯ...»

...и внизу – перечень двух десятков специальностей.

В отделе кадров строгая женщина с высокой взбитой прической возвращала Васе Иванову его документы:

– С судимостью не берем. Тем более в снабжение. У нас предприятие режимное.

– Было режимное, – мягко поправил ее Вася. – Теперь вы, слава богу, кастрюли штампуете.

– А вы уверены, что только кастрюли? – усмехнулась женщина. – Следующий!

– Автослесарь. – Арон положил на стол свои документы.

– Вот это другое дело! Автослесари нам как воздух!.. – Женщина раскрыла паспорт Арона, прочитала фамилию и имя-отчество и тут же протянула его обратно. – Я и забыла, Арон Моисеевич, автослесарей-то мы уже всех набрали. Следующий!

* * *

В другом отделе кадров молодой человек в желтом гал-

стук на красной ковбойке говорил Васе Иванову:

– Эх, Василий Петрович! Да была б моя воля!.. Нам снабженцы с таким опытом – во как нужны! Но без судимости. Извини, Иванов. Извини. – И молодой человек повернулся к Арону: – У тебя что?

– Автослесарь я...

– Автослесарь? Давай паспорт!

Внимательно изучил паспорт Арона, покачал головой, бросил паспорт на стол и огорченно сказал:

– Слушай, Рабинович! Ты смеешься надо мной? Я тебя сегодня возьму, а ты завтра уедешь в Израиль?!

– Да не собираюсь я никуда уезжать! – рявкнул Арон.

– Все так говорят. А потом – привет из Тель-Авива! Ты в Средиземном море купаешься, а я со строгачом снова ищу автослесаря!

– Что же ты меня из страны выпихиваешь, сука?! – заревел Арон и потянулся было к молодому человеку, но Вася Иванов, словно фокстерьер, повис на Ароне, приговаривая:

– Арончик!.. Умоляю!.. Вспомни зону, Арон!

* * *

В третьем отделе кадров уже вопил Вася Иванов:

– Но я же отсидел свое! Я же все испытил!..

Шестидесятилетний отставник очень спокойно, отечески говорил:

– Знаю, знаю. Сам двадцать лет в лагерях отработал. Знак почетного чекиста имею. Сколько вашего брата через мои руки прошло!.. И вижу я, что ты хороший человек, – у меня глаз наметан. А инструкция? Раз судимость – не положено.

Он повернулся к Арону:

– Тебе что?

– Автослесарь я. Вот документы...

– А зачем мне твои документы? Я и так вижу, кто ты. Мне лично хоть негр, хоть китаец – все едино. Я интернационалист старой закалки. А наш генеральный директор этого не любит...

– Чего ЭТОГО?! – заорал Василий и бросился на отставника.

Но тут Арон сгреб Васю в охапку и вынес из кабинета:

– Тебе еще один срок нужен, засранец?..

Как Рабинович стал Ивановым, а Иванов – Рабиновичем...

– Я не хочу больше жить в этой стране!!! – бился в истерике сильно поддавший Вася Иванов.

Правда, бился он в могучих руках Ривки, рвался с ее колен, а она прижимала его голову к своей необъятной груди и шептала:

– Ну, Васечка... Ну, мальчик мой... Ну успокойся, детка... Арон! Прекрати жрать водку! Сделай же что-нибудь!.. Что ты сидишь, как говно на именинах?!

– Что я могу сделать? – Арон печально выпил.

– Закуси, зайчик. – Клавка тут же сунула ему бутерброд.

– Я просто не могу больше здесь жить... – заплакал Вася.

– Арон! Ты видишь, в каком он состоянии?! Сделай что-нибудь! – повторила Ривка.

– Что я, простой работяга, могу сделать, если они русско-го интеллигентного человека довели до того, что он хочет покинуть свою родину?.. – Арон постепенно от печального настроения переходил в зоологическую свирепость. – А я вот в гробу их всех видел в белых тапочках! И хрен им в грызло, вообще никуда отсюда не двинусь! Хотя я и Рабинович!..

– Боже мой!.. – тоненько прокричал Вася. – Если бы я был Рабиновичем!.. Только бы вы меня здесь и видели!..

И тут вдруг Ривка ссадила Васю со своих колен, поставила

прямо перед собой и торжественно произнесла:

– Вы просите песен – их есть у меня! Ты хочешь быть Рабиновичем? Нет вопросов. Мы с тобой женимся, ты берешь мою фамилию, я устраиваю всем четверым по вызову, и мы отваливаем отсюда в лучшем виде!

– Ой... – испугался Арон и тревожно посмотрел на Васю.

– Гениально!.. – Вася был потрясен простотой решения.

– А если эти два идиота не захотят ехать с нами, будут прилетать к нам в гости. – Ривка показала на Арона и Клавку. – Сейчас, говорят, это запросто.

Клавка забралась на колени к Арону и нежно прижалась к нему.

– А ты, Арончик, женишься на мне, берешь мою фамилию и становишься Ивановым. Пусть тогда попробуют не взять тебя на работу!..

Как работали и жили Арон Иванов и Василий Рабинович...

Из репродуктора гремит «Свадебный марш» Мендельсона.

Висит простенький преysкурaнт:

1. Разбортовка колеса – 1 рубль.
2. Заклеить камеру – 1 рубль.
3. Забортовка колеса – 1 рубль.
4. Балансировка – 1 рубль.

Арон и Вася работают в колесной мастерской при кооперативном гараже.

Медленно, со скрежетом проворачивается лежащее на шиномонтажном станке старое колесо. Поддев ломом кромку покрышки, Арон силится отделить ее от проржавевшего диска...

На балансировочном станке быстро вертится второе, уже смонтированное колесо. Вася следит за стрелкой прибора. То остановит станок, пометит мелом, то снова пустит колесо вертеться...

Гремит «Свадебный марш»...

На верстаке вулканизируется сразу несколько камер. А вокруг нагромождение покрышек, рулоны «сырой» резины, погнутые диски, ниппели, грузики для баланса, инструмен-

ты, компрессор с огромным манометром, чан с водой для проверки камер...

Около мастерской штук десять автомобилей. Владельцы несут дырявые покрышки и рваные камеры к Арону и Васе, тащат от Васи и Арона уже починенные, залатанные, накачанные...

Вася ведет расчеты с клиентами, складывает трешки и рублевки в большую железную коробку, что-то отмечает в журнале.

У Арона и Васи черные руки, замызганные комбинезоны, мокрые, грязные, изможденные лица. Тяжелая работа...

А над всем этим – Мендельсон. «Свадебный марш»!..

В мастерскую входит председатель гаражного кооператива:

– Рабинович! Тебя жена к телефону!

– Спасибо, шеф! – говорит ему Вася и убегает.

– Арон Моисеевич! Иванов!.. Распишись, что с противопожарной инструкцией ознакомлен. – Председатель протягивает Арону папку.

Арон вытирает руки ветошью, берет карандаш:

– Где?

– А вот – «Иванов А. М.»... Порядок!

Гремит «Свадебный марш» Мендельсона...

Как влияет тяжелый физический труд на счастливую семейную жизнь...

Вечером, умытые и измотанные, ехали с работы. «Москвич» скрипел, стучал, фыркал прогоревшим глушителем.

Вася считал деньги, раскладывал в две кучки на «торпеде».

– Один хмырь болотный приволок грузики из Тольятти. Я ему отстегнул полтинник...

– Молодец, – похвалил его Арон.

– Четвертак – вода и электричество за прошлый месяц... Двадцать процентов арендной платы. И червонец я заслал ночным сторожам. Мало ли что!

– Правильно.

– Договорился с шиноремонтным заводом. Будем отдавать им колеса в наварку. Они хотят по тридцатнику, мы будем брать с клиентов по полста. Двадцать наши...

– Здорово.

– Держи. Тебе семьдесят восемь и мне семьдесят восемь.

– И день прошел не зря. – Арон спрятал деньги в карман и остановил машину у дома Василия. – Чего Ривка звонила?

– Сдала в ОВИР все документы. Велели ждать.

– Сколько?

– Тебе-то что? Ты же ехать не собираешься.

– Мне партнера подыскивать нужно. Не Клавку же я поставлю к балансировочному станку! А ты у меня, Васюся, временный.

– А может быть, все-таки... вместе, Арончик? А?..

– Все! Вали. До завтра. Ривке привет!

Вася вышел из машины. Арон отъехал несколько метров, затормозил и сдал назад. Открыл дверцу и крикнул негромко:

– Эй! Рабинович!..

Вася с готовностью повернулся.

– Я слышал, что на израильской границе всех мужиков вместе с паспортом заставляют болт предъявлять. Нет обреза – поворачивай обратно! Так что готовься, Васька! – заржал Арон и уехал.

Василий посмотрел ему вослед, покачал головой:

– Ну, шлемазл, мать твою! Ну, что с тебя взять, выкрест?!

* * *

После ужина Клавка вышла из ванной в коротком соблазнительном пеньюарчике. В коридоре перед зеркалом опрыскала себя духами, кокетливо распушила волосы и только после этого открыла дверь в комнату:

– Зайчик! Я готова к употреблению!..

На диван-кровати в глубоком и тяжелом сне разметался

измученный за день Арон. Его могучий храп вздыбливал тонкие занавески на окнах и заставлял позвякивать подвески на чешской люстре.

– Ты же обещал, зайчик... – растерянно проговорила Клавка. – Ведь столько уже дней...

Чудовищный храп Арона был ей ответом. Клавка опустилась на стул у дверей и горько заплакала...

* * *

Точно в такой же квартире, но на другом конце города, Ривка в постели хлопотала над бесчувственным от усталости Васькой.

– Ну и что? И в чем трагедия? Ну устал мой мальчик... Ну не стоит у маленького! Так сейчас у всех плохо стоит. Даже у иностранцев. А вот мой Васечка отдохнет – мы им всем покажем! Да? Лежи, лежи, котик, не расстраивайся. Я тебе сама все сделаю – в лучшем виде...

Как становятся холостяками...

Снова шиномонтажная мастерская. Вечер.

Снова – дырявые камеры, рваные покрышки, погнутые диски, очередь клиентов с автомобилями...

Грохочет шиномонтажный станок, воеет компрессор. Арон работает один – мокрый, грязный, усталый.

В мастерскую заглянул председатель кооператива:

– Притормози, Иванов.

Арон остановил станок, выключил компрессор.

– А где Рабинович?

– На курсах по изучению языка. Мы же вас предупреждали, что Васька работает здесь только до отъезда...

– А что, если я его у тебя заберу и сделаю своим замом по производству и экономике?

– Не надо. Он свое уже отсидел.

– Тьфу!.. – Председатель даже перекрестился. – Типун тебе на язык!

– Нет, серьезно, он не пойдет. Он за бугор намылился...

– Ладно... Бог в помощь. – Председатель усмехнулся, покачал головой и удивленно сказал: – Василий Рабинович... Странно звучит, да, Арон Моисеевич?

Арон включил шиномонтажный станок, завел компрессор и прокричал председателю сквозь шум и грохот:

– А то, что я Иванов, – это нормально?..

В подвале старого петербургского дома, под трубами парового отопления и электрическими кабелями, на колченогих стульях, за обшарпанными столами сидели человек пятнадцать будущих эмигрантов и изучали иврит.

Модно одетый молодой человек с еврейско-тореадорской косичкой мелом писал на старенькой школьной доске древние слова... Время от времени он поворачивался к аудитории, что-то еще говорил вслух, но измочаленный работой Вася сквозь сонную одурь видел только егодвигающийся рот и ничего не слышал.

Иногда Ривка толкала его в бок локтем. Тогда Вася испуганно оглядывался и тарачил глаза на школьную доску.

Все вокруг усердно записывали премудрости языка предков.

Каждый раз, когда преподаватель поворачивался к аудитории, он встречал нахальные и зовущие глаза крупной и яркой Ривки. Когда же Ривка медленно и плотоядно облизнула губы и закинула ногу за ногу так, что ее роскошные ляжки открылись до самых трусиков, у молодого преподавателя иврита исчез дар речи и встала дыбом косичка...

* * *

У Русского музея расфуфыренная Ривка говорила расфуфыренной Клавке:

– ...а к нему приехал друг из Стокгольма на своей тачке. Живет в «Астории».

– В «Асторию» я не пойду! – перетрусил Клавка. – Там меня каждая собака знает. Если бы в «Прибалтийскую»...

– Ну, правильно! А я в «Прибалтийской» инкогнито, да?! Повезем к тебе или ко мне, – решительно сказала Ривка.

– Ой, Ривка!.. Подумать страшно! А вдруг...

– Сейчас двенадцать. Раньше восьми наши не вернутся. Уйма времени! Посидим, выпьем, расслабимся...

Подкатил красивый автомобиль с иностранными номерами. Из него выскочил учитель иврита со своей тореадорской косичкой, а из-за руля вылез его иноземный приятель и восхищенно сказал:

– Какие потрясные вомен! Чтоб я так жил, мама мия!..

* * *

Распахнулась дверь шиномонтажной, и в мастерскую вошли председатель кооператива и пожилой старший лейтенант милиции.

– Ребята, это наш новый участковый уполномоченный, – сказал председатель. – Он с вами поговорить хочет.

– Значит, товарищи... Попрошу вас, товарищ Рабинович... – участковый безошибочно обратился к Арону, – И вы, товарищ Иванов, – он посмотрел на Василия, – срочно привезти мне ваши справки об освобождении из мест

заклучения.

– Рабинович – это я, – сказал Василий.

– А я Иванов, – сказал Арон.

Участковый справился с недоумением и жестко проговорил:

– Тем более, граждане. Справочки мне ваши сегодня же до семнадцати ноль-ноль.

– Ну, я свою привезу, а Васькина-то вам зачем? Он в гараже не числится, мне помогает, пока ОВИР не даст разрешения на выезд.

– Рабинович у нас не числится!.. – радостно сказал председатель. – У нас по штату вообще один шиномонтажник! Он, так сказать, по договоренности с Ивановым, с Ароном Моисеевичем...

– Короче! – прервал его участковый. – Обе справки чтоб у меня были. Кто из вас Рабинович, а кто Иванов – мне без разницы. Я должен знать, что происходит на моем участке. Социализм – это учет!

* * *

Когда у дома Василия они вылезли из своего жуткого «москвича», там уже стоял роскошный иностранный автомобиль!

– Какая тачка! – восхитился Арон.

– Поедешь с нами в Израиль, и у тебя будет такая же.

– А пошел ты!.. При таких бабках, что мы сейчас с тобой зарабатываем, и здесь прожить можно. А там я пропаду.

Уже поднимаясь по лестнице, Василий говорил:

– Не пропадешь... В Советском Союзе живут двести семьдесят миллионов человек, а во всем мире – около пяти миллиардов. Значит, четыре миллиарда семьсот двадцать миллионов как-то ведь обходятся без Советского Союза? Не пропадают?

– Я здесь родился и вырос, – упрямо сказал Арон.

– Там хоть гарантировано, что тебе никто не скажет «жидовская морда»... – Вася открыл ключом свою дверь, из-за которой неслась громкая музыка, и нежно улыбнулся. – Тоскует моя лапочка.

Они с Ароном вошли в квартиру и захлопнули за собой дверь.

Спустя мгновение музыка оборвалась, раздался чей-то сдавленный крик, грохот... Было слышно, как разлетелось что-то стеклянное...

А потом с шумом распахнулась дверь, и на лестничную площадку абсолютно голыми были выброшены учитель иврита со иноземным другом. Вслед им полетели части их одежды.

На ходу натягивая штаны, они в ужасе бросились вниз по лестнице, и уже через секунду было слышно, как взревел мощным двигателем замечательный заграничный авто-

мобиль, взвизгнул покрывками и умчался...

* * *

Вечером Арон привез Василия к себе. Еще из «москвича» оба они увидели, как от дома отъезжает грузовик, груженный мебелью, холодильником, телевизором, торшером, гитарой и фикусом.

В широкой кабине рядом с шофером, с видом оскорбленной невинности, сидели Клавка со вздутой губой и Ривка с подбитым глазом.

Вася и Арон переглянулись и стали разгружать «москвич». На свет божий появился потертый Васин чемоданчик, с которым он вышел еще из лагеря, две стопки книг, увязанные бельевой веревкой, и один-единственный костюм на плечиках в прозрачном пластиковом чехле.

На этом разгрузка и закончилась.

— Была без радости любовь, разлука будет без печали... — продекламировал Арон и поволок Васины вещи.

* * *

В полупустой квартире (Клавка и Ривка умудрились вывезти из нее все что можно!) на кухне шла Большая Мужская Пьянка.

Две бутылки из-под водки были уже пусты, еще одна наполовину опорожнена, и две целехонькие ждали своей очереди...

– Чего им не хватало?! Чего?! – негромко и отчаянно восклицал Вася. – Вламывали мы как папы Карлы!.. От полтинника до стольника каждый день в дом волокли! По пятьдесят колес за смену. Причем заметь, Арончик, мы же были связаны двойными родственными узами...

– Чем?

– Узами. Ну, связями!..

– Как это?

– Объясняю. Клавка была тебе кто? Жена?

– Жена.

– А мне – сестра. Твоя Ривка была мне кто?

– Жена...

– А тебе – сестра! Двойная повязка!!! Мало того! Ривка хочет за бугор – нет вопросов! Клавочка хочет оставаться здесь – да бога ради! Все! Все для них!.. И на тебе! За что?! Почему?!

– Ну, бляди они, Вася! Бляди! А волка сколько ни корми... Ты, кстати, закусывай. Дай-ка я тебе хлебца намажу...

– погоди! Давай выпьем. Мы с тобой лагеря прошли... На одних нарах, из одной миски баланду хлебали... Не обижайся, Арон, но твоя сестра Ривка оказалась курвой. Не обижайся...

– И ты, Василий, не обижайся. Я тебя жутко уважаю!.. Я

за тебя в зоне мазу держал и на воле никогда не брошу. Но твоя сестра Клава тоже порядочная сука! Извини.

– А я тебя знаешь как уважаю?! Но с сегодняшнего дня у меня нет жены Ривки и сестры Клавки! Я от них отрекаюсь!!! У меня есть только ты, Арончик, и больше мне ни хера не нужно!..

– Дай я тебя поцелую, – прослезился Арон. – Век свободы не видать! И у меня теперь нету никого – только ты, бесценный мой друг Вася, и забил я болт на все на свете!.. Пьем стоя!

Оба с трудом поднялись из-за стола, выпили и немножко поплакали друг у друга на плече.

– Все! – сказал Вася. – Все!.. Жизнь продолжается! Надо смотреть в завтрашний день!

– Правильно! – закричал Арон. – Завтра же я приведу пару отличных профурсеток, и мы с тобой такое устроим!..

– Я имею в виду глобальный момент нашего существования.

– Давай выпьем. – Арон открыл четвертую бутылку.

– Наливай. Хорошо!.. – Вася поднял стопку. – Теперь, Арон, когда тебя здесь больше ничего не удерживает, ты должен ехать со мной!

– Поехали, – с готовностью согласился Арон. – Шлепнем еще по стопарю и поехали! Только переодеться надо...

– Ты не понял меня, Арон. Мы должны вместе уехать в Израиль.

Арон выпил водку, неторопливо закусил и тяжело посмотрел на Василия:

– Мне сорок семь, Вася...

– А мне сорок четыре! – прокричал Вася. – И что?

– Мне сорок семь, – упрямо повторил Арон. – И начинать все сначала – без языка, без крыши, без денег...

– Язык – дело наживное. Квартирой и небольшими деньгами обеспечивают всех эмигрантов.

– Да на кой мне хрен эти эмигрантские подачки?! Я всю жизнь вот этими руками!.. И никому никогда обязан не был!

– Не ори. Мы с тобой оформим «статус беженцев»...

– Это еще что за хреновина?

– Ну, вроде мы пострадали от советской власти. В тюрьме сидели...

– Васька! У тебя совесть есть?! Ты вспомни, за что сидели. Я рыло трем дуракам начистил, ты – в своем магазине стройматериалов крутил как хотел. Какие мы беженцы? Чего ты мелешь, страдалец?!

– Я все понял. Ты хочешь дожидаться еврейского погрома!

– Еще посмотрим, кто кого. – И Арон завязал узлом вилку.

– Тогда чего же? Гражданской войны? Так она уже идет! В Армении, в Азербайджане! Узбеки турков режут, туркмены – русских, киргизы – узбеков!.. Завтра президенты наших республик не поделят кусок пирога, и мы будем втянуты в кровавую мясорубку! Тебе обязательно находиться в гуще

ИХ событий, идиот?! А может быть, тебе нужен новый Афганистан?!

– Что ты! Что ты?! Васька! Опомнись! – испугался Арон.

– Сегодня страна дает тебе шанс сделать ей ручкой и свалить. А завтра она перекроет границы и объявит, что во всем виноваты евреи, интеллигенты и частные предприниматели... Как же можно не использовать этот шанс? Даже без политики – просто так, из любопытства... Ты же дальше Сестрорецка в своей жизни ничего не видел!

– Почему? – обиделся Арон. – Я в семьдесят девятом был в Кисловодске. Мне от завода путевку давали...

– Тьфу ты, дубина стоеросовая! – сплюнул Василий. – Наливай, Арон Моисеевич Иванов! Наливай, наливай! Я про тебя все понял! Ты просто хочешь бросить меня!

– Я?! Я его хочу бросить! Это ты хочешь бросить меня здесь одного!!! Тебе, видишь ли, ехать присралось, а ты подумал, на что там жить?! Если бы прибыть туда сразу же упакованными, с бабками, я еще подумал бы! А ехать с протянутой рукой – хрен тебе в задницу, чтоб штаны не падали! Я себя не в дровах нашел!..

– Слава те господи! Раскололся!.. Приехать туда в порядке есть сто тысяч способов!.. – обрадовался Василий.

– Знаю я эти способы, уголовная твоя морда! Здесь достать валютку и... сесть по восемьдесят восьмой статье? Или на все наши трудовые бабки закупить бриллианты, а потом, перед таможней, запихивать их себе в жопу? Авось не загля-

нут! Да я лучше в сортире от стыда повешусь! Я же мужик, едрена вошь!..

– Люди везут иконы, произведения искусства, – уже робко предложил Василий. – Мне говорили...

– Нассы и забудь! Это все контрабанда! А я уже свое отсидел и больше сидеть не собираюсь. И тебе не дам сесть! Хватит!

– А если я найду совершенно законный и легальный способ прибыть туда уже состоятельными людьми, поедешь со мной?

– Если без уголовщины и если верняк – еду! Если нет – следите за рукой! – И Арон, ударив левой ладонью о локтевой сгиб правой руки, показал Василию здоровенный кулак: – Ну, чего смотришь? Наливай, Вася Рабинович!.. Наливай!

Как уберечь себя от соблазнов...

И опять дырявые камеры, рваные покрышки, погнутые диски...

Опять грязь, пот, изнурительная работа, работа, работа...

Через окно шиномонтажной мастерской видны автомобили клиентов.

Подкатила черная «девятка» в спойлерах, наклейках, на-шлепках, примочках... На лобовом стекле розовая голоза-дая куколка.

Вышел из машины джинсовый малый. Рубашка расстег-нута до пупа, рукава закатаны. На шее толстая золотая цепь, на левой руке «Ролекс», на правой – золотой браслет. Мас-сивные кольца на пальцах. Вынул пачку «Данхилла», щелк-нул зажигалкой...

– Вовка-мажор приехал... Я на минутку... – вдруг засуе-тился Вася и сбросил рукавицы.

– Учти, Васька! – строго сказал Арон. – Если ты с этим подонком провернешь хоть какой-нибудь гешефт, я вам обо-им уши оборву! Не хватает нам еще с жульем дело иметь!.. Мало нам было двух лет...

– Пуганая ворона куста боится!..

– Васька!.. – угрожающе проговорил Арон, но Вася уже выскочил из мастерской и кликнул Вовке-мажору:

– Привет, Вовик!

– Рабинович! Васька!.. – Вовка заржал. – Люди от таких кликух, как черт от ладана, а он сам голову в петлю! Отваливаете?

– Отваливаем, Вовик.

– Да знаю, знаю!.. Поэтому и приехал. Капуста зеленая нужна?

– Почему?

– А то ты цен не знаешь! Четвертак – доллар.

Василий покосился на окно мастерской. Оттуда на него в упор глядел Арон...

– Да нет, Вовик, этого добра у нас как грязи.

– Ну, крутизна!.. – Вовик нервно закурил. – Могу взять по двадцать!

– Лежит – пусть лежит. Есть не просит.

Вовик метнулся к багажнику, поднял его, сунул Рабиновича носом внутрь. Перед глазами Василия предстала выставка икон.

– Там, за бугром, бешеные бабки!.. – жарко шептал Вовик.

– Сколько вот эта?

– Семь тонн – как отдать!

– А вот эта, плохонькая?

– Ну, козел!.. «Плохонькая»! Да это пятнадцатый век, фраер! Двадцать штук, и ни цента меньше! Чем старше, тем дороже... Ретруха в чистом виде!

Василий украдкой оглянулся и увидел, что Арон через окно мастерской показывает ему свой огромный кулак.

– Старик, нам эта шелупонь, честно говоря, до фени, – небрежно проговорил Вася и захлопнул багажник «девятки». – Мы, старичок, настолько серьезно упакованы, что иметь дело с мелочами просто нет смысла.

Но Вовик не мог уехать просто так.

– Есть каналы переправки в обход таможни. За бабки, конечно.

Тут Василий увидел, что на пороге мастерской, занимая собой весь дверной проем, уже стоит грозный Арон.

Вася покровительственно похлопал грязной рукой по джинсовому плечу Вовика:

– На этот счет, Вовик, у нас никакой головной боли, – увидел у заднего стекла яркий иностранный журнал и спросил: – Порнуха?

– Да нет. Так... Для понта. – Вовик совсем скис.

– Дай-ка его сюда, – сказал Вася. – Посмотрим на сон грядущий, что нас ждет в ихней изящной жизни.

Вовик отдал ему журнал.

– Заглядывай, Вовик. – И, помахивая журналом, Вася пошел навстречу Арону. – За работу, Арон Моисеевич! За работу, товарищ Иванов!..

Как всегда, великие открытия случайны...

Ехали с работы домой. Арон сидел за рулем, Вася – рядом. Разглядывал заграничный журнал Вовика-мажора.

Арон раздраженно говорил:

– Ты видел, как у него тачка замарафечена? В каком он сам прикиде? Капусты у него немерено! Валютой фарцует, иконами! И на свободе! Что это, по-твоему?!

– Думаешь, стучит? – Вася лениво перелистнул страницу.

– А ты как думал?! Хорошо, если только в ментовку... А если куда подальше? А ты с ним ля-ля-тополя...

– Арончик! Он нам может только соли на хвост насыпать.

– И насыплет! Так, что ты потом свой хвост будешь лет пять в зоне зализывать!.. Чтоб я тебя больше ни с одним таким марамоём вместе не видел! Если ты, конечно, хочешь жить ТАМ на свободе, а не ЗДЕСЬ в лагере.

Но Вася уже ничего не слышал – сумасшедшими глазами он вглядывался в одну из страниц заграничного журнала, затем посмотрел на Арона и хрипло закричал:

– Стой!!! Стой, тебе говорят!..

От неожиданности Арон затормозил так, что задние машины чуть не влипли в его старый «москвич». Раздался многократный визг тормозов, взревели возмущенные гудки.

– Ты что?.. Ты, что, Васька? – испугался Арон.

– Разворачивайся!.. И к ОВИРу!.. – Василий бросил взгляд на часы. – Полчаса до закрытия!.. Гони к ОВИРу!!! Или я этой ночи не переживу!..

– К какому ОВИРу? – Арон был ошеломлен.

– К любимому, дубина! К городскому, к районному!.. Разворачивайся, мать твою за ногу, кому говорят!!!

Арон круто развернул машину и помчал по городу так, словно хотел выиграть первый приз всемирного ралли «Париж – Дакар»...

* * *

Спустя несколько минут они продирались сквозь чудовищную толпу, осаждавшую двери ОВИРа. Василий тащил Арона за руку и нахально приговаривал:

– Не волнуйтесь, товарищи! Всех вызовем, все уедете!..

...Еще через минуту они стояли в кабинете усталой молодой женщины, стол которой был завален анкетами, фотографиями, справками и заграничными паспортами.

– Боюсь, что я вас не очень понимаю, – говорила женщина.

– Значит, еще раз... – светски улыбался ей Вася. – Предположим, нам разрешили выезд в Израиль...

– Предположим.

– На каком виде транспорта мы сможем туда уехать?

– Боже мой! Ну, на каком транспорте уезжают в Израиль? На самолете... на пароходе... На поезде, наверное... В конце

концов, на своей автомашине! В этом случае надо платить пошлину...

– А на яхте? – спросил Вася. – На собственной яхте?

Арон покачнулся. Сотрудница ОВИРа уставилась на Васю.

– Минутку... – сказала она, набрала короткий телефонный номер и стала что-то тихо говорить в трубку, поглядывая на Арона и Васю.

– Чокнулся?! Я плавать не умею! – шепнул Арон.

– Заткнись, кретин!.. – прошипел Вася, улыбаясь женщине.

Сотрудница повесила трубку и сказала:

– Пожалуйста. Можете и на яхте...

* * *

На кухонном столе лежал раскрытый журнал, полученный от Вовика-мажора.

На левой странице четыре фото роскошных современных яхт. Около каждой – год постройки и цена в долларах.

Вот яхта, созданная в 1987 году. Стоимость – 300 000 долларов.

Вот яхта 1988 года... 450 000 долларов.

Яхта 1989 года. Уже 600 000 долларов!

А вот и последнее чудо двадцатого века – яхта постройки 1990 года. Цена – 750 000 долларов!..

На правой же странице журнала – большая фотография только одной яхты: старой, деревянной, год постройки 1937-й, стоимостью...

Тут издатели не отказали себе в наслаждении произвести максимальный эффект и огромными цифрами напечатали:

«12 000 000 долларов!!!»

Над раскрытым журналом, над вспоротой консервной банкой, над колбаской – два десять, над кусками белого и черного хлеба, над одной пустой водочной бутылкой и второй, уже наполовину выпитой, хрипло гремела не очень трезвая, забытая довоенная песня:

По морям, по волнам,

Нынче здесь, завтра там...

По-о-о морям, морям, морям, моря-а-ам!

Нынче зде-е-сь, а завтра там!..

– Васька! Ты – гений!.. Ты – коммерческий гений!.. Ты – человек будущего! Дай я тебя поцелую!.. – заорал Арон, прервав песню. – Нет! Дай я тебя поцелую!..

Он сгреб Василия за шиворот, приподнял над столом и звучно поцеловал. Василий вытерся и восторженно прокричал:

– Ну, ты понял?! Понял?! Мы здесь покупаем старую развалюху в любом яхт-клубе, реставрируем ее и своим ходом... «По морям, по волнам, нынче здесь, завтра там...» А там мы

ее втюхиваем вот за эти бабки!.. – Василий постучал кулаком по странице с фотографией старой яхты. – И...

– И открываем шиномонтажную мастерскую! – крикнул Арон.

Василий выпил, с сожалением посмотрел на Арона:

– Арончик... Старого еврея-портного спросили, не хотел бы он стать царем. «Почему нет? – сказал портной. – С удовольствием. Я еще буду прирабатывать шитьем...» Какая шиномонтажная мастерская?! Жлоб с деревянной мордой! Если у нас будет двенадцать миллионов долларов!.. Да мы с тобой!.. Да мы...

Тут даже Василий не смог представить себе, что они делают с этим Ароном на эти миллионы, и поэтому закончил просто, доходчиво и строго:

– Наливай, Арон. Но с завтрашнего дня!..

Как находят друга...

У закрытой шиноремонтной мастерской стояли несколько легковых автомобилей, а их владельцы молча и горестно читали объявление на дверях: «Мастерская закрыта по техническим причинам».

* * *

...Вася Рабинович и Арон Иванов медленно ехали на своем «москвиче» вдоль нескончаемого металлического ограждения, за которым видны были десятки яхт и шверботов...

– Ты знаешь, я никогда не видел настоящего моря, – негромко сказал Арон.

– Я тоже, – признался Вася.

– Помню, Ривка была маленькая, и я повез ее кататься по Неве на речном трамвайчике. Так она, малявка, – ничего! А я блевал всю дорогу...

– Клавка, сучка, уже в четвертом классе имела второй разряд по плаванию, а я до сих пор воды боюсь до истерики... – Вася обреченно махнул рукой и выругался: – Да где же у них проходная, мать их за ногу?!

И тут за углом обнаружилась проходная. Арон затормозил.

У проходной на ступеньках сидел тощий небритый мужик лет шестидесяти пяти и ловко вязал на спицах. Он вслух считал петли, изредка сверяясь с журналом «Работница», лежащим на табурете.

На голове у него была старая капитанская фуражка, из-под ватника проглядывал тельник, латанные-перелатанные джинсы заправлены в подшитые валенки. На носу роскошные сверхмодные золотые очки.

– Тридцать пять, тридцать шесть, тридцать семь... – Старик довязал ряд и поднял глаза на Васю и Арона. – Здорово, ребятки. Чем порадуете?

– Хотели тут разузнать кой-чего... – промямлил Арон.

– Яхточку прикупить, что ли?

– Что-то вроде этого, – удивился Василий.

– Кооператив? Совместное предприятие?

– Почему именно кооператив? – не понял Арон.

– А у кого теперь такие деньги могут быть? Яхточки-то ведь кусаются, – усмехнулся старик.

– Нет, – сказал Вася. – Мы сами по себе...

– Значит, отъезжанты, – уверенно сказал старик. – Так сказать, представители новой и самой мощной волны эмиграции!

Арон и Вася тревожно переглянулись. Старик рассмеялся.

– Нам бы с кем-нибудь из начальства поговорить. Можно пройти? – спросил Вася.

– Конечно, можно! – воскликнул старик и начал вязать следующий ряд. – Ничего у нас тут секретного нет! Правда, и начальства нет. Как они говорят, все «уехавши» в спорткомитет. Может, я смогу чем-нибудь вам помочь?

Арон раздраженно отвернулся. Вася вежливо спросил:

– А вы, извиняюсь, кто будете?

– А я, извиняюсь, буду самым главным человеком в Российской империи, ребята! Я – сторож. И пока Россия, родина заборов и запретов, не упразднит всю свою чудовищную систему контрольно-пропускных пунктов, проходных с пенсионерами ВОХРа и не устранил прописку по месту жительства, я, сторож, есть и буду самой всесильной фигурой «от Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей...». Вот так-то, ребята!

– А президент уже не в счет? – ехидно спросил Арон.

– Конечно! – убежденно заявил сторож. – Президент в нашей стране – это же искусственное образование, порожденное отчаянной тоской по хозяину с плеткой. А мы, сторожа, – явление естественное, органическое, уходящее в глубь истории государства Российского! Мы и родом древнее, и решения принимаем куда более самостоятельные, чем ваш президент!..

– Арон! Нам, кажется, жутко повезло... – И Вася первым протянул сторожу руку. – Рабинович Василий. А это мой друг Арон Иванов.

– Муравич Марксен Иванович, – представился сторож.

Как хорошо, что все официально!

Спустя день они втроем стояли на территории заброшенной водноспортивной базы, где все было в таком запустении, словно сюда уже сто лет не ступала нога человека.

Перед глазами обескураженных Арона и Васи из земли наполовину торчало какое-то огромное полусгнившее деревянное судно, сквозь которое прорастали пыльные травы и чахлый кустарник.

– Яхта когда-то была превосходной! – говорил Марксен Иванович. – Название «Опричник», длина – семнадцать метров, ширина – три и одна десятая, осадка – метр девяносто, водоизмещение – двенадцать тонн. Построена в тридцать седьмом году. Я на ней еще до войны юнгой плавал. После демобилизации, в пятьдесят втором, в Стокгольм на ней рулевым ходил, в пятьдесят шестом – капитаном – в Бремерхафен, в Глазго... Она весь мир обошла. Помню, в Амстердаме...

– погоди, Марксен Иванович, – прервал его Арон. – Но ведь это же не яхта... Это уже дрова!

– Дрова. Но, во-первых, это дрова натурального красного дерева, а во-вторых, это дрова, пока за них не возьмутся реставраторы, – твердо проговорил Муравич. – Вам сейчас самое главное – попытаться приобрести эту штуку.

Еще через некоторое время «москвич» Арона стоял на территории этой базы возле полуразвалившегося щитового барака, на дверях которого было написано: «Дирекция».

В небольшом кабинетике Вася передавал директору бумажку с печатями:

– Вот банковское поручение на пять тысяч рублей на ваш расчетный счет. Все совершенно официально...

– И правильно! – с чувством сказал кругленький директор базы. – Только официально! Упаси нас бог!.. А я вам совершенно официальный актик... прошу внимания!

Директор показал Василию и Арону большой лист, тоже с печатями и штампами:

– Читаем... Чтобы потом никаких неясностей! Закон есть закон! «Настоящий акт составлен в том, что яхта класса ЭЛ-сто, „Опричник“, инвентарный номер такой-то... введенная в эксплуатацию в одна тысяча девятьсот тридцать седьмом году, корпус деревянный, подлежащая списанию, продана по остаточной стоимости пять тысяч рублей с судовым имуществом...»

– А где имущество-то? – недобро спросил Арон.

Директор укоризненно посмотрел на Арона:

– Это такая форма... Положено писать «с судовым иму-

ществом» – мы и пишем. «С судебным имуществом, согласно описи, в совместное владение гражданам Рабиновичу Василию Петровичу, – директор пожал руку Васе, – и Иванову Арону Моисеевичу, – директор пожал руку Арону, – на основании постановления президиума Ленинградского областного совета профсоюзов за номером таким-то от такого-то и такого-то...» Сверху – круглая печать. Видите? Внизу штамп: «Государственная инспекция по маломерным судам... Погашено, бортовой номер такой-то, подпись, дата...» Распишитесь в приеме!

Вася и Арон расписались. Директор положил руку на все три экземпляра и с выжидательной улыбкой посмотрел на Арона и Васю.

Возникла неловкая пауза.

– Арон Моисеевич... – негромко сказал Вася.

– Чего? – спросил Арон.

– «Чего, чего»!..

– А-а-а... – Арон наконец понял и вытащил из пиджака десять сторублевок. Пересчитал и пододвинул их к директору.

Директор тут же очень ловко сгреб тысячу рублей и протянул Васе и Арону один экземпляр акта.

– Владейте! Катайтесь! Путешествуйте! Очень за вас рад!

– А за себя? – спросил Арон.

– И за себя я тоже очень рад! – мило и благодушно ответил директор. – Я, Арон Моисеевич, всегда очень радуюсь, когда

могу хоть чем-нибудь помочь Родине, людям... Вот такой я человек.

Как правильно ездить по городу в белые ночи

Белой ночью по улицам спящего, пустынного Ленинграда, в объезд разведенных, вздыбленных к небу мостов двигалась удивительная процессия.

Впереди шел милицейский мотоцикл с проблесковыми мигалками.

За ним – КрАЗ-тягач с длиннющим трейлером, на котором в кильблоках были установлены останки «Опричника»...

За трейлером ехал сорокатонный передвижной подъемный кран.

За краном неторопливо трюхал «москвич» Арона.

Замыкал процессию второй мигающий мотоцикл...

В «москвиче» Арон рассказывал Марксену Ивановичу:

– ...а в ГАИ полковник говорит: «Кто вам позволит вашу... яхту через весь город транспортировать?! Тут, – кричит, – надо особый маршрут движения прокладывать! Особые средства перевозки изыскивать! Пусть исполком назначит специальную комиссию, и если будет их решение, может, и мы разрешим... А может быть, и нет. Хотите – жалуйтесь. Сейчас, – говорит, – все жалуются. Доигрались, говорит, мать-перемать, в перестройку!»

Медленно двигалась процессия. Дивным силуэтом впечатывалась старая яхта в белесо-голубоватое небо ночного Ленинграда...

Водитель КраЗа говорил сидящему в его кабине Василию:

– Ты к народу приди, к простым людям! Скажи: «Витек, помоги. Витек, надо!» Да что же мы – звери?! Неужто не поможем? Ты меня уважил, я тебя уважаю. Они думают, я на одной зарплате сидеть буду!.. Ага, раскрывайте рот пошире! У меня все схвачено – и кран, и эти макаки на точилах. – Он показал на милицейские мотоциклы. – Уж года три со мной работают. Все хотят жить, Петрович. Все!

Милиционеры-мотоциклисты на ходу переговаривались по рации:

– А этот, здоровенный, еврей, вроде ничего мужик...

– А я тебе еще когда говорил, что среди жидов есть вполне приличные ребята. Помню, у нас в деревне со мной в одном классе учился еврейчик.

– Еврейчик в деревне? – удивился второй милиционер.

– А он к нам с родителями был высланный.

– За что?

– А пес его знает... За политику, кажись. Так уж на что мы его обзывали всяко, лупили, а он даже не обижался. Только поплачет, и все. Арифметику всегда давал списывать...

В кабине движущегося автокрана работал транзистор:

– Говорит радио «Свобода»! – вещал приемник пожилому водителю автокрана. – Процессы преобразований в Советском Союзе просто невероятны! Сегодня, впервые в истории наших непростых взаимоотношений, мы хотим предложить радиослушателям интервью радио «Свобода» с президентом Советского Союза. Ведет передачу Лев Ройтман. Уважаемый господин президент...

– Во, бляха-муха, дают ребята!.. – сказал водитель крана.

* * *

Под утро «Опричник» уже стоял в кильблоках на задворках яхт-клуба. КрАЗ и автокран с мотоциклистами уехали, и усталые и издерганные Марксен Иванович, Арон и Василий сидели в «москвиче» с распахнутыми дверцами.

Арон вытащил две десятирублевые бумажки и сказал:

– Все. Приехали.

– То есть как приехали?.. – упавшим голосом спросил Вася.

– Пять штук – эта развалина, штука – директору. Триста – трейлер, двести – автокран. Стольник – милиции. И – привет! Бабки кончились.

– Кошмар!.. – простонал Вася.

Марксен Иванович почесал в затылке:

– Вообще-то послезавтра у меня пенсия...

– Господи!.. – закричал Вася. – Нужна нам ваша пенсия!..

Что мы, безрукие, что ли? Сколько возьмут реставраторы?

Марксен Иванович посмотрел на яхту и сказал:

– С нашими матерьялами? Думаю, тысяч двадцать.

Как великие цели требуют великих жертв...

На шиномонтажной висел новенький прейскурант:

1. Разбортовка колеса – 1 р. 50 коп.
2. Заклейка камеры – 1 р. 50 коп.
3. Забортовка колеса – 1 р. 50 коп.
4. Балансировка – 1 р. 50 коп.

Огромная очередь автострадальцев со спущенными колесами, дырявыми камерами, искалеченными дисками...

Снова грязные, задыхающиеся Арон и Вася работают быстро, слаженно. Вася принимает колесо через окно, отдает Арону, тот закрепляет его на станке, берет в руки лом...

Готовое колесо Вася снимает с балансировки, передает в окно заказчику, не забывая перекинуться с ним парой слов:

– Пожалуйста!.. Ваших десять... С вас – шесть. Четыре сдачи. И вам спасибо!.. А вот и ваше колесико... Вы, кажется, в опытных мастерских трудитесь? Даже при НИИ? Замечательно! Нет ли у вас там латунных винтов, пятидесяточки? Что вы говорите! А нельзя ли... Немного. Килограмм пятнадцать. А мы вам в любой момент, без всякой очереди...

Медленно, со скрежетом проворачивается колесо на шиномонтажном станке, быстро крутится на балансировочном... Из репродукторов ария Мефистофеля: «Люди гибнут

за металл! Люди гибнут за металл!.. Сатана там правит бал!
Там пра-а-вит бал!...»

* * *

Вечером Арон вопил на кухне:

– А я жрать хочу! И выпить! Я двенадцать часов ломом ворочал!.. Имею право!

– Нет! Не имеешь никакого права! Экономика должна быть экономной!.. – кричал Василий. – Сейчас каждая копейка...

– Я как жучка намудохался! Мне мясо нужно!..

– Обойдешься! Жри макароны сейчас же! Я специально для тебя чуть не ведро отварил! С маслом. Очень полезно!

– Я не могу каждый день жрать макароны!!! Я видеть их уже не могу! Дай червонец – пойду в забегаловку, хоть котлетку схаваю...

– Я тебе давал вчера пять рублей? Где они?

– Бензин купил, е-мое! «Москвич» без бензина не ходит!..
А ты меня гоняешь по всему городу! Дай червонец немедленно!

– Через мой труп! Ты предаешь идею!

– А ты предаешь меня! Личность человека важнее любой идеи.

Вася даже рот открыл от философской сентенции Арона:

– Батюшки... Где это ты нахватался?

– Что ж я, пальцем деланный? – обиделся Арон.

– Ну хорошо, я тебе дам немножко колбасы. Я ее, правда, берег на выходной, но...

– А выпить?

– Ну наглый, как танк! Где я тебе выпить возьму?!

– У тебя есть заправка.

– Нету.

– Есть!

– Нету!!!

– Васька!!!

– Что «Васька»? Что «Васька»?! Решили же экономить!..

Потом сидели в одних майках и пижамных брюках пьяненькие, допивали большую бутылку и не очень стройно пели хором:

По морям, по волнам,
Нынче здесь, завтра там...

* * *

На «Опричнике» работала бригада реставраторов. Были сняты куски сгнившей обшивки, и сквозь огромные дыры зияли шпангоуты.

Подкатил «москвич» Арона и Васи. Арон достал из ба-

гажника тяжелый ящик. Вася крикнул:

– Федор Николаевич!

– Тута я, тута!.. – Из дыры высунулся пожилой человек в очках и комбинезоне. – Привезли винты?

– А как же! Что еще требуется?

Федор Николаевич уселся поудобнее, свесил ноги наружу.

– Тама много чего надо. Я списочек составил, отдал его Марксену Ивановичу. Он приболевши, просил заехать к нему...

– А что с ним?

– Дык кто его знает... У его главная болезнь – одиночество. Отсюда и все хвори.

Как нужно быть сентиментальным...

Сидели у Марксена Ивановича – пили чай с тортиком.

Старческая нищета квартиры была закамуфлирована спортивными облезлыми кубками, выцветшими вымпелами, выгоревшими грамотами и дипломами, моделями парусников. На замызганных стенах множество фотографий – Марксен Иванович в шортах на фоне каких-то минаретов... В спасательном жилете у штурвала... Со здоровенной меч-рыбой... В плавках и ожерелье из неведомых тропических цветов...

Только на одном фото совсем молоденький Марксен Иванович был в зимней шапке с военно-морским «крабом», в унтах и в кителечке с погонами, орденами и медалями. И стоял он на борту торпедного катера, облокотившись на турель скорострельной пушечки. А так все остальные фотографии были сугубо гражданско-спортивными...

Закутанный в старенький плед Марксен Иванович сидел в глубоком ободранном вольтеровском кресле и вязал. Арон подливал ему горячий чай, Вася подкладывал тортик. А Марксен Иванович грустно говорил:

– ...в шестидесятом прибыли в Неаполь на Олимпийские... А мой рулевой – Петька Гринберг, год как университет окончил, все на работу из-за пятого пункта не мог устроиться – мне и говорит в Неаполе: «Прости, Марксен, другого

шанса у меня не будет. Давай вместе!..» – «Нет, – говорю, – Петюня, не могу. А ты – иди». А Петька говорит: «Ты хоть понимаешь, что они с тобой сделают, если я уйду?!» А то я не понимал!.. «Иди, – говорю, – Петька, дай бог тебе счастья!..» Подождал сутки, докладываю руководству сборной. так и так, рулевой Гринберг Петр Иосифович на борт яхты не вернулся... Мне на всю жизнь кислород и перекрыли. Сняли звание мастера спорта, закрыли визу, отобрали яхту, море... Самое страшное, что они у меня море отняли.

Марксен Иванович как-то странно закашлялся, пряча лицо в носовой платок. Арон отвернулся, уставился в угол комнаты. Вася нервно постучал пальцами по столу.

– А тут месяца два назад получаю письмо и приглашение из Тель-Авива от господина Пинхуса Гринберга. В гости на восемь недель... Не забыл. Тридцать лет прошло, а он помнит. Такой хороший паренек был... И рулевой – божьей милостью!

Марксен Иванович вытащил из книжного стеллажа большой конверт с красивыми марками. Вася осмотрел конверт и приглашение и показал Арону.

– Надо ехать. Сейчас с этим гораздо проще. Тем более по частному вызову...

– Дорого, – печально сказал Марксен Иванович. – Для меня это слишком дорого. Паспорт – двести, билеты – туда и обратно – полторы тысячи, обмен валюты – две тысячи...

– Мы дадим вам! – быстро сказал Арон. – Да, Васька?

Поднатужимся и заработаем... Ну, так не пятьдесят колес в день будем делать, а шестьдесят!.. Заработаем!

– Спасибо, Арон. Я не смогу принять от вас эти деньги, потому что никогда не смогу вам их отдать, ибо существую от зарплаты до пенсии и от пенсии до зарплаты.

– Да наплевать нам на эти деньги, Марксен Иванович! – вскочил Арон.

– Мне не наплевать, – жестко сказал Муравич.

– Стоп! Стоп, стоп, мужики! – закричал Вася. – Кончайте состязаться в благородстве! Прямо опера какая-то!.. Как говорят в Одессе, слушайте сюда! Раскладка такая: Марксен Иванович оформляет в ОВИРе только паспорт! Никаких билетов, никаких денег на обмен валюты! И берет на себя командование яхтой по маршруту Советский Союз – Израиль. И мы втроем плывем по морям, по волнам... В Израиле, пока Марксен Иванович гостит у своего друга, мы толкаем нашу яхту, получаем наши миллионы и покупаем обратный билет для Марксена Ивановича в Ленинград. Из этих же денег мы оплачиваем капитану Муравичу суточные за все время плавания в свободно конвертируемой валюте. Тогда капитан Муравич сможет перестать вязать свою дурацкую жилетку, а пойдет в самый дорогой магазин Тель-Авива и купит себе самый лучший свитер! И новые джинсы! Но такие, чтобы все пажоны с Невского сдохли бы от зависти! И еще у него останется на чай с тортиком! Ну как?

Арон в восторге всплеснул руками, влюбленно уставился

на Васю и закричал:

– Ну, Васька!.. Ну, сукин сын!.. Я тебе все прощаю, даже твои вонючие макароны! Он гений, да, Марксен Иванович?!

Муравич чуть подумал, почесал в затылке и сказал:

– Забавно... Чудовищная авантюра, но забавно.

Как насытить чрево «Опричника»...

В очереди у шиномонтажной мастерской бурлила клиентура:

– Как это не берут деньги?! Совсем не берут?

– Берут, но неохотно...

– И так цены повысили! Что же им надо?

– Консервы. Любые.

– А частич в томате можно?

– Можно. Но лучше тушенка. Китайская.

Как и во всякой советской очереди, находится общественник:

– Товарищи! Товарищи!.. Военные и торговые моряки, сотрудники Балтийского морского пароходства и картографического управления ВЭМээФ – вне очереди! Распоряжение Василия Петровича!..

В шиномонтажной мастерской грязный, мокрый Арон орудует ломом у станка. В углу сложены штабеля консервов. Там же немолодой капитан первого ранга передает Васе красивые морские карты.

– Значит, с меня за перемонтаж пяти колес – тридцать рублей. Правильно?

– Совершенно точно! – по-военному отвечает Вася.

– Вот на эту сумму, как и договаривались, десять листов

пятикилометровых карт от Одессы до Хайфы. Тут Черное море, Босфор, Мраморное, Дарданеллы, Эгейское море и Средиземное... Со всеми обозначениями – глубины, районы стрельб, районы работы подводных лодок и надводных кораблей нашего и американского флотов, курсы самолетов, течения, магнитные склонения...

– Потрясающе! – сказал Вася.

– Есть у меня еще лоции Черного и Средиземного морей, но это будет стоить гораздо дороже. Меньше чем за новое «жигулевское» колесо отдать не смогу.

– Конечно, конечно, товарищ капитан первого ранга!.. Подумаем, позвоним... А вот что это за обозначения на каждой карте – «ДСП» и «СС»?

Каперанг снисходительно улыбнулся:

– Ну это же очень просто... «ДСП» – это «для служебного пользования», а «СС» – «совершенно секретно».

* * *

«Опричник» был уже весь зашкурен, и часть дыр светилась свежими вставками.

Неподалеку на складном стульчике сидел Муравич, вязал свою нескончаемую жилетку и вел урок метеорологии. Перед ним на бревнышке расположились Арон и Вася и хором декламировали:

– «Ходят чайки по песку – моряку сулят тоску. И пока не

сядут в воду, штормовую жди погоду...»

– Правильно, – говорил Муравич. – Дальше...

– «Если тучи грозоздятся в виде башен или скал, скоро ливни разразятся, налетит жестокий шквал...»

– Молодцы! Теперь только один Арон. «Барашки по небу бегут...» – Марксен Иванович выжидательно посмотрел на Арона.

– «...иль небо метлами метут, когда рангоут твой высок, оставь лишь марсели и фок!» – торжествующе закончил Арон.

– Умница! – сказал Муравич. – Василий, внимательно! «Если стрелка вдруг упала...»

– «...жди грозы, дождя иль шквала. Если ж стрелка поднимается...» – Вася на мгновение задумался.

Арон не выдержал:

– «...то погода улучшается!!!»

– Тебя просили?! – возмутился Вася. – Я сам не знаю, да?! Засранец!

– А чего ты тянешь? Бе-бе-бе, бе-бе-бе... Еле языком ворочает, мудила!.. – огрызнулся Арон.

– Ребятки, ребятки, не ссорьтесь! А ты, Арон, не подсказывай, Вася сам знает, – вмешался Муравич.

– Марксен Иванович! А, Марксен Иванович!.. – закричал Федор Николаевич с яхты. – Красного дерева и еловой доски не хватает. Нужно бы штук по двадцать и того и другого. Только упаси боже от сучков!..

– Хорошо!.. – крикнул Марксен Иванович и сказал Арону и Васе: – Тэк-с... Кажется, пора трубить большой сбор. Пора вводить в действие один из самых мощных институтов государства Российского – институт ночных сторожей!

* * *

Белой северной ночью на территории клуба, у главного корпуса стояли десятка три автомобилей. Редкие, потрепанные «жигули», старинные «москвичи» (в том числе и «москвич» Арона), а в основном инвалидные «запорожцы» и коляски-уродцы...

В кают-компании яхт-клуба за длинным столом сидели ночные сторожа Ленинграда. Возраст – за шестьдесят. Многие с орденами, медалями, костылями. Солидные, степенные люди.

Общая картина напоминала заседание политбюро или совещание Президентского совета. Возглавлял стол Марксен Иванович Муравич. Слева и справа от него сидели Арон и Василий.

– Я составил список только самого необходимого, – говорил Марксен Иванович. – К сожалению, он существует в единственном экземпляре...

– Не беда, – сказал один из сторожей. – Я у себя в институте отдам на ксерокс, и ноу проблем!

– Благодарю, Николай Николаевич, – поклонился ему Муравич. – Итак: нужны полутораметровые доски красного дерева и выдержанной ели. Кто у нас по дереву?

– Найдём, – сказал второй сторож. – Мы только что получили заказ на экспортные рояли и пианино и...

– Очень хорошо, Петр Петрович! Тем более что мы тоже идем на экспорт. Товарищи! Нужен хороший, современный дизельный движок...

– Есть такой! – сказал третий сторож. – Год у нас во дворе валяется норвежский дизель SABB со спасательного бота, двадцать пять сил с реверсом. Я скажу нашему заму: оформит за копейки, как продажу запасных частей. Только с него стартер и генератор уже скоммуниздили.

– А стартер к нему пойдет от «Волги», – заметил четвертый. – Это пустяки. Заезжайте, сделаем.

– Генератор от КамАЗа к нему – в самый раз, – подхватил пятый сторож. – Это я вам устрою. И аккумуляторы.

– Превосходно! – сказал Муравич. – Якоря для яхты я, пожалуй, сам здесь нашустрю, а вот якорные цепи...

– Толщина звена и количество метров? – крикнул кто-то.

– Толщина – миллиметров одиннадцать – тринадцать, не менее ста метров.

– Нет вопроса!

– Моментик, моментик!.. – раздраженно закричал скрюченный человечек с костылем. – У меня вопросик!

Наверное, он был известен как скандалист, потому что все

тут же стали морщиться и качать головами.

– Пожалуйста, Сергей Сергеевич, – улыбнулся Муравич.

– А позвольте узнать, уважаемый Марксен Иванович, отчего это вы так хлопочете? Ваш-то какой интерес?

– Ну, Серега, склочная душа!.. Тебя помочь позвали, а ты по своей вонючей ментовской привычке... – крикнул седьмой сторож.

Но скрюченный злобно его перебил:

– Я помочь не против! Я что хошь со своей фирмы вынесу, но я хочу знать, какой его личный интерес?!

– О Боге подумай! – посоветовал кто-то.

– Тихо, друзья мои, – негромко сказал Марксен Иванович. – Я отвечу. Арон Моисеевич и Василий Петрович – не моряки. Они даже плавать не умеют. Вряд ли вам хотелось бы, чтобы они утонули, еще не выйдя из наших территориальных вод... Поэтому я беру на себя командование яхтой и постараюсь доставить их к новому месту жительства в целости и сохранности. Это будет мое последнее плавание в жизни...

– Значит, вы тоже покидаете нашу Родину? – не унимался Сергей Сергеевич.

– Нет. Я плыву только в гости. И прилечу обратно. Умереть я хочу дома. Я получил приглашение от своего бывшего рулевого.

– Неужели от Петьки Гринберга?! – воскликнул один сторож. – Господи! Живой?..

– Живой, Алексей Алексеевич.

– Слава богу!!!

– А вы его помните? – спросил Муравич.

– А как же, Марксен Иванович! Я же тогда от КГБ вел ваше дело!..

Арон и Вася испуганно переглянулись, но Муравич их успокоил:

– Не волнуйтесь, Алексей Алексеевич уже давно уволен из КГБ за постоянное желание докопаться до истины. А вот в качестве сторожа канатной фабрики он нам может быть очень полезен.

Посмотрел на скрюченного и спросил:

– Сергей Сергеевич! Вы удовлетворены?

– Теперь да! – склочно ответил тот. – Давай дальше, по списку, чего еще требуется?..

Как трудно болеть в наше время...

К сильно похорошевшему «Опричнику» была приставлена пятиметровая лестница. На ней стоял бригадир реставраторов Федор Николаевич.

«Москвич» расположился у самых кильблоков, и Арон доставал из салона и багажника цепи, аккумуляторы, якоря, белоснежные веревочные бухты, банки со шпаклевкой, лаками...

Муравич передавал все это Василию, Василий – бригадиру, а тот – наверх своим помощникам на борт яхты.

Марксен Иванович взялся было за внушительный якорь, но Василий тревожно крикнул:

– Оставьте якорь! Мы с Ароном потом сами поднимем!

Но Марксен Иванович поднатужился, поднял тяжеленный якорь и прохрипел:

– Да я таких якорей за свою жизнь столько перетаскал...

И вдруг охнул, выпустил из рук якорь и стал оседать на землю, глядя перед собой удивленными бессмысленными глазами.

* * *

В прихожей Арон провожал врача неотложки.

– Никаких тяжестей, никакой нервотрепки, полный по-

кой, – говорил врач. – Отлежится – встанет. Ни простуд, ни сырости. Малейшая пневмония – отек легких, и... вам привет с того света.

– А лекарства? – спросил Арон.

– Он секретарь обкома? Маршал? Член ЦэКа?

– Он сторож.

– Для нормального советского человека у нас в стране лекарств нет! Нам их даже выписывать запрещено, – раздраженно сказал врач.

– Я достану, – уверенно сказал Арон.

Врач пожал плечами и прямо в коридоре на своем чемоданчике выписал два рецепта.

Арон неловко сунул ему двадцатипятирублевку.

– Что это? – брезгливо спросил врач.

– Четвертачок-с... – лакейски пролепетал Арон.

Врач зло запихнул двадцать пять рублей за пазуху Арону:

– Пошли вы со своим четвертачком! Вы старика берегите, раздолбаи! У него сердце ни к черту...

Когда Арон вошел в комнату, он увидел следующее: Марксен Иванович лежал на постели и держал в руках ксерокопию какой-то маленькой книжечки. Такая же книжечка была у сидящего рядом Васи. На тумбочке в блюдце валялись комочки ваты и остатки стеклянных ампул после уколов.

– Слива, ани лё медабер иврит. Рак русит... – запинаясь, говорил Марксен Иванович, подглядывая в книжечку.

– Ани роце лишлоах миврак... – отвечал ему Василий.
– Вы что, чокнулись оба?! – спросил обалдевший Арон.
– Мы учим иврит, – сказал Муравич, глядя поверх очков на Арона. – А с тобой я с завтрашнего дня займусь английским. О'кей?
– О'кей, о'кей... Васька! Паси Марксена Ивановича и не давай ему дергаться. Я смотаюсь в дежурную аптеку...

* * *

– Что вы! – сказали Арону в одной аптеке. – Мы уже год как этих лекарств не видели!..

Расхлябанный «москвич» мчался по ночному Ленинграду...

Возвращая Арону рецепты, в другой аптеке ему сказали:
– У меня мама с тяжелой стенокардией, и то я не могу ей ничем помочь! А вы... Ну, люди!

В третьей дежурной аптеке – толстая баба с продувной мордой.

– Не смешите меня. Мы уже забыли, как это выглядит.
– А когда оно было, сколько оно стоило? – спросил Арон.
– Это – двадцать шесть копеек, а это рубль семьдесят две копейки. – И баба отодвинула от себя рецепты.

Арон положил на прилавок пятьдесят рублей и сказал:
– Сдачи не надо.

Секунду толстая баба смотрела в глаза Арона, потом спокойно спрятала пятьдесят рублей в лифчик и выложила из-под прилавка два пакетика...

Как Вовик-мажор с приятелями попал в неприятную историю...

Арон медленно пробирался по разрытой Десятой линии Васильевского острова к дому Марксена Ивановича. Глубокие траншеи для смены канализационных труб избороздили почти всю улицу. Высились горы вынутой из траншей земли. Арон осторожно лавировал среди всего этого бедлама.

И вдруг увидел у самой большой и глубокой траншеи великолепную черную «девятку» Вовика-мажора. Она перекрывала проезд.

Пришлось остановиться в нескольких метрах. Около «девятки» шла какая-то возня. Арон взглянул и увидел плачущую Ривку, у которой текла кровь из носа. Вовик-мажор тащил ее в машину, а Ривка плакала и упиралась. С другой стороны двое приятелей Вовика втаскивали в «девятку» рыдающую Клавку в разорванном платье.

Не выключая двигатель, Арон вышел из своего «Москвича» и, не глядя на Ривку и Клавку, спросил:

– Что за разборки, Вовик?

– Арон Моисеевич! – захохотал Вовик. – Товарищ Иванов!.. Король шиномонтажников!.. Спокуха, ребята! Не трухайте – свои!..

Увидев Арона, Клавка и Ривка испугались еще больше... Но Арон даже не взглянул в их сторону.

– Что за разборки, Вовик? Я тебя спрашиваю...

– Да вот телки упираются, не хотят платить по счету!

– И что они вам задолжали? – спросил Арон.

– Всего лишь ночь любви, папаша, – рассмеялся один.

– А может, вы им не нравитесь, – сказал Арон.

– А в кабаке с нами сидеть им нравилось? – спросил второй.

– Тоже верно... – задумчиво произнес Арон.

И вдруг со страшной силой ударил кулаком в лицо одного друга Вовика и тут же второго. Вовика он схватил за волосы и с размаху хрястнул физиономией об капот черной «девятки»...

Один из друзей Вовика стал было подниматься, но Арон безжалостно засадил ему ногой в живот, а второму наступил на шею и сказал:

– Только шевельнитесь, сявки, я из вас таких клоунов наделаю!.. – Он приподнял за волосы окровавленного Вовика-мажора и спросил: – Выпивка есть?

Вовик что-то промычал разбитым ртом и показал на заднее сиденье своей машины. Арон вытащил оттуда бутылку коньяка и большую бутылку водки.

– Открывай! – сказал он Ривке.

Та трясущимися руками откупорила обе бутылки. Арон взял коньяк и стал его насильно вливать в разбитый рот Вовика.

– Пей, сучонок, пей! Чтобы ни капли не осталось!.. Зато

потом, когда тебя милиция начнет напрягать, сможешь сказать, что был в жопу пьяный и ничего не помнишь...

Вовик захлебывался, глотал коньяк вместе с кровью...

Арон заставил его выпить всю бутылку. Потом он стал вливать водку в одного из приятелей Вовика. Тот попытался было встать, но Арон снова сильно ударил его в живот и влил в него половину большой бутылки «Московской».

Вторую половину бутылки он насильно скормил второму приятелю Вовика. Когда тот проглотил последние капли «Московской», Арон волоком втащил его в «девятку», рядом с ним погрузил бесчувственного другого приятеля, а Вовика усадил за руль, предварительно вывернув колеса «девятки» в сторону глубокой траншеи.

Затем Арон влез в свой «москвич», завел двигатель, включил скорость и резко дал газ.

«Москвич» рванул с места, сильно ударил роскошную «девятку» в задний бампер, и та покатила прямо в траншею.

Раздался грохот падающего автомобиля, и через секунду, когда развеялась пыль, из глубокой траншеи торчал только багажник великолепной в прошлом «девятки»...

Арон вылез из «москвича», хозяйственно осмотрел искалеченную облицовку своей машины, разбитую фару... И только потом заглянул в траншею. И с укоризной покачал головой:

– Ну надо же было так напиться, чтобы белой ночью в

траншею влететь!.. Хорошо еще, если все живы... Ах, молодежь, молодежь!..

Он поднял глаза на онемевших от ужаса Клавку и Ривку и сказал уже совершенно другим тоном:

– А вы чего, потаскухи, стоите?! Марш немедленно в машину, идиотки!..

* * *

Ранним утром у кооперативного гаража Арон в рабочем комбинезоне ремонтировал свой «москвич»: выпрямлял бампер, облицовку, ставил новую фару.

Клиентов еще не было. Василий прибирал мастерскую, переговаривался с Ароном через открытое окно:

– Где это ты так шваркнулся, Арончик?

– Где, где... Полгорода разрыто, фонари не горят...

– А мы тебя с Марксеном ждем, ждем! Старик уж засыпать начал...

– Ну и слава богу, – сказал Арон. – Васька, а Васька!.. Я чего сказать тебе хотел... Все-таки мы с тобой говнюки.

– Здравствуйте пожалуйста! Это кто же тебе сказал?

– Это я сам себе говорю. И тебе тоже, – ответил Арон, не прерывая работу. – Со своей женой Ривкой ты не хочешь иметь дела. И ты прав! Я Клавку вычеркнул из своей жизни... И тоже вроде прав... Но, Вась, ведь Клавка же тебе – младшая сестра!.. А Ривка – мне младшая сестра! А мы,

старшие братья, как жлобы, даже в голову не берем: как они там? Чего у них?.. А они – женщины. Их любая шпана обидеть может. Вот я про что...

Василий насторожился, со шваброй в руке вышел из мастерской:

– Ты видел их?

– Еще чего! Это я так, вообще говорю...

– Ты мне не вкручивай! – в панике закричал Василий. – Что с Клавой?!

– А я откуда знаю?! – в свою очередь заорал на него Арон. – Твоя сестра – ты и поинтересуйся! Позвони – руки не отвалятся!..

Василий бросил швабру и побежал в мастерскую. Через несколько секунд послышался его тревожный голос:

– Клава? Клавочка!.. Здравствуй, маленькая моя! Это я – Вася!..

Арон улегся под машину – стал наживлять болты бампера...

Как подчинить все единой цели...

Вечером, разложив листы морских карт на обеденном столе и придавив их по углам лощиями и справочниками, Марксен Иванович любовно и трепетно прокладывал будущий маршрут «Опричника» от Одессы по Черному морю до Босфора, через Мраморное до Дарданелл, и дальше по Эгейскому и Средиземному вплоть до самого Израиля, до его морских ворот – Хайфы...

Вася сидел на кухне, что-то подсчитывал на калькуляторе и записывал на бумаге свои выкладки.

Арон стоял за спиной Муравича, капал в мензурку валокордин, шевеля губами, про себя считал капли.

Даже то, как Марксен Иванович брал в руки карандаш, линейку или транспортир, выдавало его радостное волнение.

– Господи!.. Да разве я мог еще совсем недавно подумать, что буду снова заниматься прокладкой, готовить яхту к походу!.. Что я, черт побери, снова выйду в море! Я-то уж думал – жизнь кончилась...

Вася услышал последнюю фразу Муравича, закричал из кухни:

– Марксен Иванович! Чтобы я этого больше не слышал! Жизнь только начинается!..

– О'кей, Вася! – радостно ответил ему Марксен Иванович и повернулся к Арону: – Арон! Внимание!.. Как будет по-

английски...

– Погодите, Марксен Иванович... Я считаю... – Арон при-
близил мензурку и бутылочку с валокордином к свету. –
Тридцать восемь... тридцать девять... сорок! Ну-ка, Марк-
сен Иванович, хлебните... И вот эту таблеточку. Самое вре-
мя.

Муравич выпил капли, проглотил таблетку и сделал два
глотка воды из стакана, услужливо поданного ему Ароном.
И сказал:

– Итак, Арон... «Могу ли я воспользоваться вашим при-
чалом и купить пресную воду?»

Арон посмотрел в потолок, секунду подумал и сказал на
ужасающем английском языке:

– Кян ай юз ё терминал энд бай дринк уотер?

– Молодец! – похвалил его Муравич. – А «сколько будет
стоять шестичасовая стоянка и двести литров пресной во-
ды?»

– Хау мач кост сикс ауэ стендинг энд ту хандрит литерз оф
дринк уотер? – тут же сказал Арон и нахально потребовал: –
Тогда и вы мне отвечайте по-английски!

– Йес, сэр! Плиз! – улыбнулся Марксен Иванович. – Сикс
ауэрс стендинг кост... а хрен его знает, сколько сейчас это
может стоять!.. энд ту хандрит литерз дринк уотер кост...
Понятия не имею! Раньше это было бесплатно... Мей би, тен
доларз?..

– Тенк ю вери мач, сэр. Ноу проблем!.. – поблагодарил его

Арон.

– Ну вы даете, мужики! – восхитился Вася, входя в комнату с листком бумаги. – Арон! Ты меня просто потряс!

– А ты думал, я пальцем деланный?

– Да нет... Я примерно представляю, чем тебя делали. А теперь, джентльмены, как говорят по-вашему, по-английскому, айм сори. Я вам сейчас немножко испорчу настроение. Чтобы отплыть на нашей яхте от берега, нам нужны еще двадцать одна тысяча нормальных деревянных советских рублей.

– Ой... – в один голос охнули Арон и Марксен Иванович.

– Вот вам и «ой». – Вася заглянул в свои записи. – Реставраторам должны еще семь штук? Должны. Паруса – десять косых, не грехи, отдай. А четыре лебедки по полторы – шесть. Всего – двадцать одна.

– Такие бабки не заработать. Просто не успеть, – сказал Арон. – Даже если к нашей мастерской будет стоять очередь, как в мавзолее Ленина...

– Господи!.. Да что же это за цены такие кошмарные?! – ужаснулся Марксен Иванович и оглядел свои обшарпанные стены, завешанные пожухлыми дипломами и грамотами, полки, уставленные призовыми кубками. – И продать же нечего! Последних два серебряных кубка я еще три года тому назад сдал в комиссионку! А это все – мельхиор, дрянь... Три копейки в базарный день...

– Вы еще будете продавать! – возмутился Арон. – Вам сю-

да возвращаться, вам жить здесь еще сто лет, а вы... Васька!

– Только без паники! – сказал Вася. – И не суетиться. Арон! Неужели мы с тобой... Мы! Ты и я! Не найдем каких-то вонючих двадцати тысяч?! Да, если присмотреться – мы купаемся в деньгах. Машина, мебель, квартира!..

– Машина – говно, – сказал Арон. – Больше пяти штук не потянет. Такую мебель надо еще умудриться кому-нибудь втюхать, а квартиру у нас советская власть отберет тут же, как только мы получим паспорта и визы.

– На хитрую жопу есть... что «с винтом»? Извините, Марксен Иванович. Предоставьте это дело мне, и у нас еще останутся бабки и на переезд вместе с яхтой в Одессу, и на паспорта, и на визы, и на булочку с маслом! – нагло заявил Василий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.